

Василюк Ф.Е.

В круге девяносто восьмом

К юбилею А.И. Солженицына

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. В круге девяносто восьмом: К юбилею А.И. Солженицына [Текст] / Ф.Е. Василюк // Московск. психотерап. журнал. – 1999. – № 1. – С. 5-6.

К юбилею А.И. Солженицына

В круге девяносто восьмом

Осень в этом году была на редкость сумрачна и пустынна. Лет десять публицисты твердили о крае пропасти, излечив нас повторами от страха падения. Но августовский кризис открыл, что мы давно уже в обвале, и потому напоминал не столько катаклизм, сколько падение занавеса. Театр теней. Пьеса то ли закончилась, то ли не началась, деловитый персонал передвигал картонные силуэты: теневая экономика, теневое правительство, теневые банки, на заднем плане – тень президента. Не в привычной бедности, оказалось, дело, безлюдье – вот беда. Смерть Галины Старовойтовой вспышкой осветила пустоту. Вновь потянулись вереницы отъезжающих, из тех, кто окончательно утратил надежду, зачем-то сохранив силы. Дни мрачнели. Лишь телевизор исправно превращал трагедию в информацию, политику – в кукольный балаганчик, жизнь в сериал и наоборот. Умиравшая соседка, очнувшись после недельной комы, успела спросить перед смертью, вышла ли Хулия за Пабло? А про своих не спросила.

И вот на этом фоне, с того же экрана пробилась к нам два фильма об Александре Исаевиче Солженицыне. 11 декабря ему исполнилось 80. Как передать, что значил для нас в университетские 70-е годы лежащий под матрасом в общежитии ксерокс «Архипелага»? Сквозь сплошную пелену советского блефа распахивалась мучительная глубина настоящего. И теперь снова, в пустынном декабре 98-го, когда казалось, что зимнего солнцеворота больше не будет, фигура Солженицына встала в полный рост.

«Как вы думаете, Александр Исаевич...?» – о разном, со всех сторон подбирался журналист. Солженицын, не поддаваясь обычному диктату интервью (отвечать быстро, красно, литыми формулами), задумался надолго, закинув руки за голову. И пока он думал, можно было, глядя на большой, с

глубокой складкой лоб, распахнутое лицо, омытое годами от напряженности юношеских фотографий, не торопясь вспоминать и узнавать ахматовское о нем – «Светоносец! Мы и забыли, что такие люди бывают». А Солженицын тем временем, додумав мысль, отвечал: «Не знаю». И в этом вынесенном из неторопливой глубины «не знаю» было больше, чем в любом знании – прикосновение к таинству мысли и свобода быть собой.

У человека обычно есть один период жизни, который составляет ее главное содержание. У кого-то он пришелся на детство, для другого военная молодость – то, что проживается и переживается всю жизнь. В судьбе Солженицына собраны, кажется, жизни многих и многих, всех нас вместе. Детство и юность – от Гражданской до Отечественной. Молодость – фронт. Зрелость – 10 лет без права переписки. Ссылка. Рак. Чудо исцеления. Учительство. Литературное подполье. Подвижнический труд. Мировая слава. Гонения. Нобелевская премия. После 50-ти – второй, счастливейший брак, трое сыновей. Изгнание. Чужбина. Возвращение. Хлеб-соль, благодарно поклонившаяся страна. Тут же забывшая. Замалчивание. Через все это не просто пройти и выжить, а в полноте прожить, не просто прожить, а все воплотить в СЛОВО, сказать слово за всех нас, за каждого, что-то одно пережившего, и, выразив до дна всю страшную правду, смочь всей жизни сказать «Да!», благословив даже тюрьму и смертельную болезнь.

Судьба, собравшая в себе все распадающиеся жизни наших соотечественников в цельный живой узел. Соборная судьба.

Снег выпал задолго до зимы, а все же казалось, что кроме осени уже ничего не будет, время стало пустынным. В стране ветрено и темно. Но сквозь мерцающий экран – не тускло, не гадательно – человеческое лицо.

«Что смотреть ходили вы в пустыню? Трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? Человека ли...»

Ф.В.